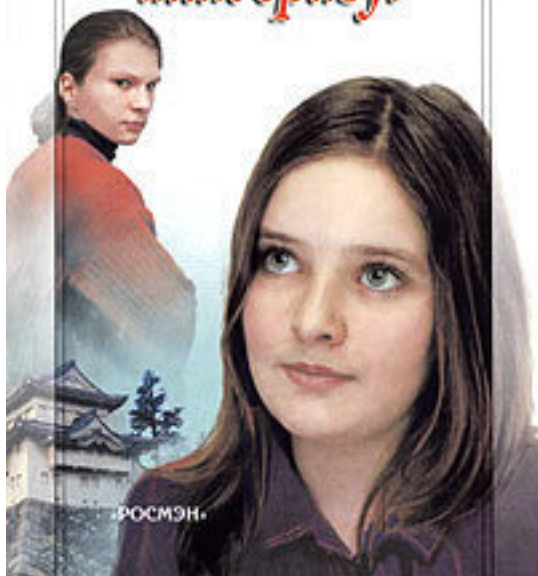

Первый роман

Вера и Марина ВОРОВЕЙ

*Как только,
так сразу!*

Вера и Марина Воробей
Как только, так сразу!
Серия «Первый роман»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162996
Как только, так сразу! : Ромэн-Пресс; Москва; 2004
ISBN 5-353-01539-8

Аннотация

Света Тополян, которая никак не могла наладить отношения с одноклассниками в новой школе, попала в скверную историю. Пытаясь доказать самой себе, что она ничего не боится и сама может за себя постоять, Света оказалась заложницей душевнобольного Глеба.

Содержание

1	4
2	11
3	15
4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вера и Марина Воробей

Как только, так сразу!

1

День выдался неприветливый и хмурый. Под стать погоде было и настроение, даже умыться не хотелось сегодня. Так и слонялась Света по квартире неумытая и непричесанная. Поэтому звонок в дверь застал ее врасплох.

На пороге стоял приземистый, плечистый парень.

– Вы Тополян Светлана Ашотовна? – спросил он, протягивая Свете какую-то квитанцию.

– Да, – ответила она.

– Тогда распишитесь в получении, – сказал парень и сунул в руку девушке карандаш.

– А что это? – спросила Света.

Ей казалось, что парень смотрит на нее как-то чересчур пристально, даже как будто с осуждением. Конечно, она ведь даже не провела сегодня по волосам расческой. Как же еще должен смотреть на нее парень?

– На ваше имя пришла ценная бандероль с доставкой на дом. Распишитесь в получении, – с раздражением, как показалось Свете, повторил парень.

– А где же она? – Тополян с удивлением отметила про

себя, что руки парня пусты.

Но может быть, бандероль настолько мала, что уместилась в кармане его куртки? Света уже приложила квитанцию к дверному косяку, чтобы черкнуть на ней свою подпись, как вдруг перед самыми ее глазами что-то промелькнуло, а в следующую секунду она почувствовала острую, совершенно нестерпимую боль в солнечном сплетении. Издав слабый вздох, Света, обхватив руками живот, согнулась пополам.

– Как только, так сразу, – услышала она противный гнусавый голос, и тут же последовал второй удар.

Тот, кто выдавал себя за почтальона, сцепил руки замком и, замахнувшись, обрушил их на шею девушки. Не удержавшись на ногах, Света рухнула на пол. До ее слуха донеслись быстро удалявшиеся гулкие шаги.

«Удирает гад!» – подумала девушка. Она хотела закричать, но, открыв рот, поняла, что не в силах издать ни звука. Боль была такая, что у Светы потемнело в глазах.

Лишь спустя несколько минут ей удалось подняться на ноги. Скрючившись, Света прошла на кухню. Облегчение наступило после первого же глотка воды.

«Как только, так сразу, – назойливо крутилась в голове брошенная мерзавцем фраза. – К чему он это сказал?» – пыталась найти хоть какое-то объяснение случившемуся девушка. И тут ей показалось, что совсем недавно она уже где-то слышала эти слова... Только вот где, от кого и при каких обстоятельствах? Внезапно ее мысли начали работать чет-

ко и с предельной ясностью. В какой-то миг будто молния вспыхнула в сознании девушки: «Так ведь это я! Я сказала Глебу эту дурацкую фразу. «Если передумаешь, позвони» – это были его слова. А я засмеялась и произнесла зачем-то: “Как только, так сразу”!»

Она проснулась в холодном поту. Шея ныла от боли. Девушка внутренне содрогнулась, вспомнив тот ужас, который она пережила во сне. Приснится же такое! А главное, как все достоверно! Прямо как в жизни – детали, подробности. Сейчас, перевернувшись на спину, она вспомнила, что халатик, в котором она сама себе приснилась, у нее когда-то был – синий шелковый с белыми звездочками... Вылезать из-под одеяла совсем не хотелось, но девушка все-таки заставила себя встать, помня о том, что в двенадцать часов возле станции метро ее будет ждать Вика Озерова – Светина подруга еще по старой школе.

Все было точно так же, как в ее кошмарном сне, – серый, неприветливый день, такое же точно настроение, когда заставить себя умыться и причесаться стоит больших усилий. Только вот халат на ней был другой.

«Все-таки странно, что тот парень во сне повторил мою фразу. – Света все никак не могла отделаться от неприятных воспоминаний. – И этот Глеб... Он, конечно, ужасно странный. Хорошо, что с ним все кончено». Теперь ей стало казаться, что у того почтальона во сне было лицо Глеба и голос

тоже его. Только вот фигура совсем другая. «Глеб-то худой и высокий, а тот тип из сна – обрубок какой-то», – думала Света, вглядываясь в зеркало.

С Глебом Света Тополян познакомилась случайно. Впрочем, она частенько знакомилась с парнями на улице. Но этот оказался слишком уж бесцеремонным и настырным. На первом же свидании полез целоваться, а когда Света оттолкнула его, он с такой злобой на нее посмотрел, что ей даже не по себе стало. Окончательное решение порвать с Глебом Света приняла после того, как он предложил ей стать наводчицей. Да, да! Конечно, Глеб не произносил этого слова, он просто сказал, что может помочь Свете заработать хорошие деньги. От нее требовалось ходить в гости к одноклассникам, другим знакомым и присматриваться к обстановке, запоминать, где что лежит, а затем сообщать Глебу ценную информацию. Ясное дело, Света возмутилась и сказала, что не только не станет этим заниматься, но вообще не желает больше видеть Глеба. Тогда-то между ними и произошел тот памятный диалог:

– Если передумаешь, позвони.

– Как только, так сразу!

Даже сейчас, когда с тех пор прошла уже целая неделя, воспоминание об этом их, с позволения сказать, последнем свидании заставило девушку передернуть плечами. Опять перед ее внутренним взором возникли глаза Глеба – злобные, колючие и какие-то... безумные, будто примороженные

слегка. Вика говорит о таких: человек с застывшей идеей в глазах. Наверное, вычитала это выражение у кого-то из классиков. Вика вообще в этом смысле уникам – глотает книжки одну за другой. И не какие-нибудь там детективчики в пестрых обложках, а Куприна, Бунина, Толстого, Достоевского. Свету-то и палкой такое не заставишь читать! Да она вообще, если честно, не уважает книжки. Уж лучше фильм какой-нибудь классный посмотреть или, на худой конец, телик. И что толку, что Вику все считают умной и образованной, когда парни даже не смотрят в ее сторону? Это обстоятельство и было чуть ли не основной причиной, по которой Света Тополян поддерживала с Викой дружеские отношения. Сколько Света ее помнила, Вика всегда ходила с одной и той же прической – прямые, не доходившие до плеч, зачесанные назад волосы, прихваченные черным бархатным ободком.

– Хоть бы ты со своими волосами сделала что-нибудь, – не раз советовала подруге Светлана. – Перекрасила бы их, что ли?

– Была охота волосы портить, – неизменно отвечала в таких случаях Вика и добавляла рассудительно: – Да будет тебе известно, что перекись водорода, которая входит в состав любого красителя, пагубно влияет на структуру волос.

Света никогда не понимала столь трепетного отношения Вики к своим волосам. Ведь они отнюдь не отличались красотой – имели какой-то неопределенный рыжевато-коричневый оттенок и были на редкость жидкими.

Небольшие и тоже неопределенного цвета глаза Вики строго и сосредоточенно смотрели из-под густых черных бровей. Имей Света такие брови, давно бы выщипала их, оставив две аккуратные тонкие дуги. У Вики был курносый нос картошкой и узкие, невыразительные, почти никогда не улыбающиеся губы.

На фоне невзрачной, полноватой и скромно, если не сказать бедно, одетой Вики высокая и стройная обладательница роскошной каштановой гривы и огромных темно-серых глаз Тополян чувствовала себя настоящей красавицей. Вообще-то от природы волосы Светы были светло-русыми, но она, не в пример своей подруге, предпочитала менять их цвет чуть ли не каждый месяц. Она умело пользовалась косметикой, подчеркивая достоинства и сглаживая недостатки своей внешности, к которым сама девушка относилась слегка курносый носик и чересчур пухлые губы.

И снова Света вернулась мыслями к тому разговору. «Кто он такой, этот Глеб? Неужели и правда квартирный вор? Вот ужас!» И хотя после того недвусмысленного предложения, которое он ей сделал, сомневаться в роде занятий парня не приходилось, Тополян почему-то трудно было представить неуравновешенного Глеба со связкой воровских отмычек в одной руке и чемоданом награбленного добра – в другой. Слишком уж трусливым он казался для этой роли. В представлении Светы вор должен был обладать железной выдержкой, быть отчаянным и смелым. Ни одним из этих

качеств Глеб, как казалось девушке, не обладал. А что, если он просто решил произвести на нее впечатление? Мол, видишь, какой я крутой? Но это тоже вряд ли... Кто же станет наговаривать на себя такое? Чтобы выглядеть в глазах девушки крутым, можно и получше что-нибудь придумать. Например, наврать, что его папа – олигарх. Впрочем, Света в это не поверила бы ни на секунду. Сынки олигархов не ходят в джинсах, купленных на вещевом рынке за двести пятьдесят рублей! Уж в чем, в чем, а в шмотках она разбиралась.

Девушка вздохнула, взяла в правую руку щетку, но расчесаться не успела, потому что в эту секунду раздался звонок в дверь.

После приснившегося кошмара не так-то просто было решиться открыть дверь. Так и мерещилась Свете ухмыляющаяся рожа того коренастого подонка.

– Кто там? – дрогнувшим голосом спросила она, прильнув к дверному «глазку».

Ответа не последовало. Через «глазок» Света видела лишь обитую деревянными планками дверь соседской квартиры. «Неужели он не ушел, а притаился, прижавшись к стенке?» Почему-то Света была уверена, что за дверью прятался парень. Перед глазами стояло искривленное наглой усмешкой лицо бандита из сна.

– Кто там? – громче и уверенней повторила девушка.

И снова тишина, и ни шороха за дверью.

«Не открывать», – была первая мысль. Но Света Тополян никогда не считала себя трусихой. Все-таки сон – это всего лишь сон. Не стоит поддаваться эмоциям. Надо уметь контролировать их, подчиняя воле и разуму. Но пальцы не слушались и никак не хотели поворачивать ручку замка. На всякий случай Света еще раз посмотрела в «глазок». Никого. Это уже было делом принципа. Сейчас девушка пыталась доказать себе, что она смелая и решительная, а не какая-нибудь суеверная клуша. Ну и что с того, что сон страшный приснился?

Набрав полную грудь воздуха, девушка решительно крутанула металлическую ручку, а затем распахнула дверь. На пороге, прямо посередине шершавого зеленого коврика, напоминавшего весеннюю траву, лежал белый конверт. Света вышла на лестничную площадку, огляделась. Кругом было пусто и тихо. Перегнувшись через перила, она глянула вниз – тоже никого. Значит, тот, кто бросил на коврик конверт, позвонив, сразу смылся, не дожидаясь, пока она подойдет к двери. Вначале Света хотела выбросить конверт, даже не заглянув в него, но любопытство взяло верх.

Внутри оказался сложенный вдвое листок. Развернув его, девушка с замиранием сердца прочитала: *«Это была проверка на вшивость, дуручка! Но своей фразой ты подписала себе приговор. Теперь жди. Как только, так сразу»*. И ни слова больше. Впрочем, личность автора не вызывала у Светы никаких сомнений. Записку написал Глеб.

«Псих какой-то, – подумала она, слушая гулкие и частые удары собственного сердца. Девушка перевела дыхание. – Нет, это ни в какие ворота не лезет! Он еще будет мне угрожать и дуручкой называть... Ничего себе проверочка! Вот придурок. Чего же он ожидал? Что я спасибо ему скажу за такое предложение и сломя голову ринусь разнюхивать, где лежат бриллианты? Большой. Что он, собственно говоря, имеет в виду? Какой такой приговор я себе подписала? И что уж такого обидного он узрел в моей фразе? Как только, так сразу... Подумаешь, какое оскорбление!»

Света, сама того не замечая, с силой комкала в руках листок. Посмотрев на измятую бумагу, девушка ощутила непреодолимое желание немедленно сжечь записку. Она принесла из большой комнаты пепельницу, чиркнула спичкой. И в ту самую секунду, когда пылающие оранжево-синие языки вмиг охватили почерневший комок, затрещал телефон.

Света даже «алло» произнести не успела.

– Получила? – услышала она враждебные интонации почти забытого голоса.

– Слушай, какого черта! – заорала она в трубку. – Что ты о себе возомнил? Думаешь, напугал? Как же! Трепещу вся от страха!

– Заткнись, – сдавленным голосом проговорил Глеб. – Даю тебе два дня. Если не одумаешься, пеняй на себя.

– А если одумаюсь? – с вызывающими интонациями в голосе поинтересовалась Света. – Чего, собственно говоря, ты от меня ждешь?

– Ты должна пройти испытания и стать моей девушкой, – ответил Глеб.

Казалось, будто что-то мешало ему говорить, заставляя с силой выталкивать из себя слова.

– Испытание?! – так и задохнулась от возмущения Света. – Скажите, какая честь мне выпала – стать его девушкой! Да я не то что испытание какое-то проходить, видеть тебя не хочу. Понял? Забудь обо мне!

– Одну ошибку ты уже совершила, – вновь заговорил Глеб. Он будто бы не слышал ее пламенной речи. – Но я предоставляю тебе новую возможность доказать свою преданность.

– Придурок! – окончательно теряя над собой контроль, заорала Света. – Какую преданность? Я знать тебя не желаю! Ты же в своей записке дурацкой написал про какой-то приговор... Так в чем же дело? Приводи его в исполнение!

– Я передумал, – тихо отозвался голос на том конце провода. – Очень скоро ты получишь шанс. Она тоже надо мной смеялась, – перешел на зловещий шепот Глеб, – и часто повторяла эту фразу: «Как только, так сразу». Вы с ней вообще чем-то похожи. Ты не должна больше произносить этих слов. Никогда, слышишь? Ненавижу узкоглазых, – ни к селу ни к городу добавил вдруг парень.

– Да пошел ты! – выдохнула Света и бросила трубку.

Через минуту телефон снова затарахтел, но, отключив его, Света вышла из комнаты.

– Все, о чем ты рассказываешь, очень странно. Странно и тревожно... – Вика остановилась и внимательно посмотрела на Свету. – Если честно, то я за тебя боюсь.

– А я не боюсь, – тряхнула пышными волосами Тополян. – Еще я из-за психа какого-то буду переживать!

– В том-то и дело, что этот твой Глеб, скорее всего, психически больной человек. С медицинской точки зрения, понимаешь? – Вика поправила выбившуюся из-под ободка прядь волос и зашагала чуть быстрее.

Они направлялись в кафе «Два клона», излюбленное место Светы Тополян, впрочем, как и многих ее одноклассников.

– Я недавно читала в одном медицинском журнале...

– Надо же! – перебила Тополян. – Я думала, ты у нас только высокохудожественной литературой увлекаешься!

– Так вот, – продолжала Вика, пропустив ироничное замечание подруги мимо ушей. – Там описывался один человек, который совершенно искренне полагал, что Леонид Парфенов, который программу «Намедни» ведет. Знаешь?

– Это такой губастый, и у него еще рот до конца никогда не закрывается? – Света принялась изображать популярного телеведущего, но Вика остановила ее движением руки:

– Послушай. Короче, человек, про которого писали в жур-

нале, утверждал, что каждое слово, сказанное Леонидом Парфеновым с экрана, обращено лично к нему. Что между ним и Парфеновым существует незримая связь и в каждом слове телеведущего зашифрован некий, одному этому человеку ведомый смысл. Короче, из его слов выходило, что программа «Намедни» существует вовсе не для того, чтобы рассказывать людям о новостях и событиях недели, а лишь за тем, чтобы с помощью ведущего передать ему важнейшую информацию. Сечешь?

– Бред какой-то... – пожала плечами Тополян. – К чему ты про него рассказала-то?

– К тому, что медицине известно более тысячи различных видов маний. Ты только вдумайся! Если существует на земле чудак, который непоколебимо уверен, что целая съёмочная группа во главе с Леонидом Парфеновым работает исключительно для того, чтобы передавать ему какую-то зашифрованную информацию, то что помешает другому чудаку возомнить, что он император женских сердец, к примеру? Что любая девушка, на которую он соизволит обратить внимание, должна прыгать от счастья. И что он один имеет власть над всеми девушками мира и вправе распоряжаться их судьбами по собственному усмотрению!

– Ну у тебя и фантазия! – хмыкнула Света. – Вот смотрю я на тебя, Вика, и думаю: много читать вредно! Все, что ты говоришь, могло бы стать отличной завязкой какого-нибудь полуфантастического романа. «Император жен-

ских сердец!» Чем не название?

– Я бы на твоём месте не относилась к случившемуся так легкомысленно, – обиженным голосом заметила Вика и потянула на себя тяжёлую стеклянную дверь.

Девушки прошли к самому дальнему угловому столику.

– А что мне теперь прикажешь делать? – спросила Света, забираясь на высокий круглый табурет.

– Ну, для начала я бы сходила к этому Глебу домой и побеседовала с его матерью, – рассудительным тоном отозвалась Вика.

– Во-первых, я не имею представления, где он живет, – начала объяснять Светлана. – Но если б даже и знала...

– А телефон его у тебя есть? – перебила ее Вика.

– Да, кажется, я вносила его в мобильник.

– Можешь мне его дать? – Вика наклонила голову, заглядывая Свете в глаза.

– Телефон Глеба? – удивилась Тополян. – Но зачем он тебе? Хочешь позвонить?

– Послушай, – заговорила назидательным тоном Вика. – Никуда я звонить не собираюсь. Просто, если тебе не трудно, продиктуй мне номер его телефона.

– Ну хорошо, – пожала плечами Света.

Вытащив из сумки мобильник, она отыскиала в «записной книжке» телефон Глеба. Записав номер в блокнот, Вика снова заговорила:

– Знаешь, Свет, очень многие детали указывают на то, что

от этого человека нужно держаться подальше.

– Это я и без тебя понимаю, – огрызнулась Тополян. – И угораздило же меня с ним познакомиться! Нет чтобы сразу послать этого придурка куда подальше.

В эту минуту к их столику подошла наголо обритая официантка. На табличке, косо прицепленной к вороту футболки, было написано: «Тики». У Тики имелась сестра-близнец по имени Вики. Вполне возможно, что на самом деле девушек звали как-то иначе. Держались официантки отстраненно и холодно, всем своим видом демонстрируя полное безразличие ко всему происходящему вокруг. Девушки никогда не улыбались, не вступали в разговоры с посетителями кафе, лишь сдержанно и односложно отвечая на вопросы. Их предшественники, бармены Макс и Дэн, уволившиеся несколько месяцев назад, тоже были близнецами и тоже совершенно лысыми. Только у Тики с Вики на затылке имелась еще и татуировка в виде штрихкода, как у одной известной рок-певицы.

Официантки-близняшки были особой фишкой этого заведения, оправдывавшей его название «Два клона». Впрочем, как ни странно, обритые «под ноль» головы, казалось, ничуть не портили симпатичных, правда, как бы слегка подмороженных физиономий девушек. Черты их лиц были на удивление правильными, а отсутствие на них какого бы то ни было выражения делало их похожими на дочерей Снежной королевы. Эта особенность была тут же подмечена наблю-

дательным и остроумным Юркой Ермолаевым, и он с ходу придумал барменшам прозвище одно на двоих – Снежные принцессы.

Опустив подведенные ярко-зеленым карандашом веки, Тики молчала. Однако ее позу никак нельзя было назвать покорной. Скорее, в ней ощущалось напряжение. Чаще всего барменши спрашивали у клиентов, будут ли они делать заказ, а иногда стояли, подойдя к столику, в ожидании, когда посетитель заговорит первым. Видимо, такая, несколько странная, манера держаться тоже являлась частью их имиджа, который, по всей видимости, придумал для девушек хозяин кафе.

Наконец Светлане надоело играть в молчанку.

– Два кофе и два сока, – произнесла она с легким оттенком превосходства в голосе.

Когда Тики удалилась, Света зашептала, придвинувшись к подруге:

– Ты видела у нее на затылке тату?

– Нет, – пожала плечами Вика. Она пришла в это кафе во второй раз. В первый ее тоже затащила сюда Света.

– Смотри скорей! – Тополян теребила подругу за рукав. – У нее там штрихкод, представляешь?

– Мне-то что! – Вика демонстративно отвернулась. – Пусть хоть схема метро.

– Слушай, а это прикольно, сделать тату в виде схемы метро! Представляешь, где-нибудь на животе...

– Скажи... – Вика серьезно посмотрела на Свету. – Помнишь, ты говорила, что этот Глеб упоминал о твоей схожести с кем-то?

– Опять ты об этом? – недовольно скривилась Светлана. – Ну, помню, только ведь он не сказал, на кого именно я похожа.

– Постарайся вспомнить поточней, – попросила Вика.

Она сосредоточенно водила пальцем по металлической поверхности стола, рисуя перевернутую восьмерку.

– Кажется, он сказал так, – наморщила лоб Света. – «Она тоже надо мной смеялась. И это была ее любимая фраза: «Как только, так сразу». Вы вообще с ней похожи». Да, слово в слово. Именно так он и сказал.

– Понимаешь, это тоже тревожный симптом, – вздохнула Вика. – Акцентуированные личности имеют обыкновение сравнивать всех с первоначальным объектом.

– Какие личности? – резко повернула голову Света.

– Ак-цен-ту-и-ро-ван-ны-е, – по слогам повторила Вика. – То есть с акцентом на каком-то предмете или объекте. Ну, например, когда-то у Глеба была девушка, которая плохо с ним обошлась. На этой почве у него развивается психоз и образуется акцент. Теперь всех встречающихся на его пути девушек Глеб сравнивает с первоначальным объектом, понимаешь?

– Слушай, Вика, тебе не в педагогический нужно идти, а в медицинский, на психиатра.

– Я подумаю об этом, – без тени улыбки ответила Вика и продолжила: – Такие люди очень опасны, так как стремятся выместить свою давнюю обиду на всех, кто хотя бы отдаленно напоминает им первоначальный объект.

– Бр-р-р! – замотала головой Тополян. – Как все запущено! Сказала бы проще: парень на чем-то заиклен.

– Можно и так выразиться, – согласно кивнула Вика, но, посмотрев на улыбающуюся физиономию Тополян, нравоучительным тоном заметила: – Напрасно смеешься.

– Слушай! – так и подскочила на табурете Света. – Он ведь еще про каких-то узкоглазых говорил! Ну точно, я еще удивилась, потому что это так дико прозвучало. Да, это была его последняя фраза: «Ненавижу узкоглазых!»

– Похоже на разорванную речь шизофреников, – нахмурившись, предположила Вика. – Тут он явно имел в виду не тебя, – заметила она, оценивающе взглянув на большие темно-серые глаза подруги.

– Ну, спасибо на добром слове, – хмыкнула Тополян, достала из сумочки зеркальце и с удовольствием принялась изучать свое хорошенькое личико.

– Полагаю, что этот Глеб одержим какой-то сверхценной идеей, – задумчиво произнесла Вика.

– Послушай! – Света бросила в ее сторону недовольный взгляд. – У меня уже от медицинских терминов голова кружится. Может, хватит?

Барменша подплыла так тихо, что девушки не сразу обра-

тили на нее внимание.

– Кофе и сок, – бесцветным голосом произнесла она и, поставив на стол чашки и стаканы, направилась к стойке.

– Свет... – Вика осторожно подула на кофе. – А ты считаешь себя чутким человеком?

– Это что, тест на проверку самооценки? – хмыкнула Тополян.

– Нет, просто вопрос.

– Ну не знаю, – пожала плечами Света. – А почему ты спрашиваешь?

– Понимаешь, с первой же минуты, как мы с тобой встретились, – перешла на таинственный шепот Вика, – меня не оставляет ощущение, что за нами кто-то наблюдает!

– Глупости! – махнула рукой Светлана. – Ты просто чересчур впечатлительная. Наслушалась моих рассказов, вот и мерещится теперь...

– Мне ничего не мерещится, – обиженно перебила Вика. – Я просто делюсь с тобой своими ощущениями.

– Поделилась? – Тополян молча дула на кофе. – Вот и молодец. – Света посмотрела по сторонам. Отчего-то она начала нервничать. Возможно, ей передалось беспокойство подруги. Но, убедившись, что за соседними столиками сидят совершенно посторонние люди, которым нет до них никакого дела, девушка издала вздох облегчения: – Так и самим недолго манию какую-нибудь подцепить, например, преследования.

Но Вика не поддержала ее шутку. Уткнувшись носом в чашку, девушка пила кофе.

– Пойдем отсюда, – неожиданно предложила она, опуская чашку на блюдце.

– Мы же только пришли, – заартачилась Тополян. – К соку вон даже и не притронулись.

– Ну, пей тогда свой сок, – спрыгнула с высокого табурета Вика, – а я пойду домой. Мне здесь неуютно.

– Да на нас никто даже не смотрит! – попыталась возразить Светлана.

Но ее подруга была настроена решительно:

– То-то и оно, что никто не смотрит, а я постоянно ощущаю себя как будто под прицелом.

Света не стала переубеждать Вику, она хотела спокойно допить кофе и сок. Но основная причина крылась в другом: Света Тополян не желала показаться слабой. Она всегда боялась выглядеть в глазах окружающих неуверенной. А уступить, по ее мнению, означало проявить слабость характера. И почему она должна уходить, если это противоречит ее желанию?

Вика бросила на Свету красноречивый взгляд, затем сухо попрощалась и направилась к выходу.

Девушки и раньше частенько ссорились. Причин тому было две – обидчивость Вики и строптивый, своенравный характер Светы. Но ссоры их длились, как правило, недолго. Первый шаг к примирению всегда делала Вика. Тополян же

предпочитала просиживать неделями дома, коротая вечера у телевизора, но ни разу еще не позвонила Вике первой, да же если и чувствовала за собой вину. Впрочем, сегодня был явно не тот случай.

«Ну ты подумай! – возмущалась про себя Тополян, про-вожая подругу взглядом. – Она же еще на меня и обижа-ется! Сама понавыдумывала невесть что, а я получаюсь ви-новатой!»

Однако спустя несколько минут девушке и самой захоте-лось уйти. Она вообще не любила сидеть в кафе в одино-честве. Направляясь в туалет, Света в нерешительности по-смотрела на сумку: взять с собой или оставить здесь? Нет, она не опасалась за сохранность своих вещей, просто никак не могла решить: стоит подкрашивать губы перед тем как выйти на улицу или и так сойдет. Наконец, махнув рукой, Света зашагала в противоположный конец зала. Именно там, в самом конце узенького коридорчика, и находились туалет-ные комнаты.

Сдернув с вешалки ветровку, Света зашагала к дверям. В какой-то момент она почувствовала непреодолимое желание оглянуться. Но, обернувшись, лишь убедилась, что в ее сторону никто не смотрит. Девушка была уже у самого выхода. «Видимо, мания преследования – заразная болезнь», – про себя усмехнулась Тополян, толкая дверь. В эту секунду из ее сумочки раздался какой-то тоненький противный писк.

Первым порывом было отшвырнуть сумку. Что за звук такой странный? Ведь на мобильном телефоне девушки стоял совсем другой сигнал – «Турецкий марш» Моцарта. Но любопытство снова пересилило страх. С опаской заглянув в сумку, Света сразу же увидела источник звука. Им оказался стального цвета приборчик, по форме напоминающий небольшую, плоскую, с закругленными краями коробочку. «Пейджер!» – догадалась Тополян. У нее никогда не было пейджера – при наличии мобильного телефона эта штуковина как-то теряет смысл. А отец купил Свете мобильник еще в те далекие времена, когда обладание этим чудом техники считалось невиданной роскошью. У большинства же ее тогдашних одноклассников (в то время Тополян училась в другой школе) либо вообще никакой техники не было, либо они носили на поясах вот такие вот штуковины.

Но кто и когда подбросил пейджер в ее сумку? Девушка

снова обернулась. За эти несколько секунд ничего за ее спиной не изменилось. За столиками мирно беседовали посетители кафе, и никто из них не смотрел в ее сторону. Пейджер продолжал назойливо пикировать. Светлана нажала на зеленую кнопку, решив, что именно она и приводит в действие это устаревшее, по ее мнению, средство коммуникации. На экране высветились буквы, Света прочитала медленно бегущую строку: *«Время пришло. Если готова пройти испытание, открой дверь правой рукой»*. Экран погас.

«Значит, он все-таки видит меня!» – подумала девушка, в нерешительности остановившись перед стеклянной дверью. И тут ее осенило: «Он наблюдает за мной с улицы! Дверь-то стеклянная! К тому же помещение хорошо освещается. Я перед ним сейчас как на ладони...» Не отдавая себе отчета в том, какой рукой – правой или левой – она толкнула дверь, Света выскочила наружу. Мимо прошел парень, но он совсем не был похож на Глеба – плотный и курчавый. Всматриваясь в темноту, Света искала глазами знакомый силуэт. Глеб был высоким, худым, слегка сутулился и носил длинные, почти до плеч, прямые волосы. Никого похожего на горизонте не наблюдалось. И тут снова заработал пейджер. Про себя девушка отметила, что отключается он автоматически.

«Я знал, что ты не испугаешься. Спускайся под землю и иди прямо, минуя станцию метро».

Самым разумным было швырнуть этот дурацкий пейджер в урну, и, наверное, любая девушка на ее месте поступила

бы именно так. Но Света ощутила вдруг мощный прилив энергии. Даже испарина на лбу выступила. Нет, она не станет выбрасывать пейджер, раз уж не сделала этого сразу. Это действие Глеб расценит как проявление трусости и слабости. Света не доставит ему такого удовольствия. Она пойдет до конца, чего бы ни потребовалось от нее в этой ситуации. Самообладания и выдержки ей не занимать, да и смелости тоже. Тут требуется решительность и твердость, иначе ей от этого придурака вовек не отделаться. Он должен понять раз и навсегда – Света сильнее, и с ней лучше не связываться.

«Надо же, какая изобретательность – подбросить девушке пейджер и посылать на него указания! Насмотрелся по телику всякой мути и строит теперь из себя агента 007! И плевать, где там он сейчас прячется, за кустами или вон за тем табачным ларьком, – все больше распаляла себя девушка. – Одно я знаю твердо: он не обрадуется, что затеял со мной игру в шпионов! Что ж, я принимаю вызов! Испытание, говоришь? Я готова! Валяй, придурак!»

Так думала Света Тополян, сбегая по ступенькам в подземный переход. Она будет до конца следовать глупым указаниям Глеба. Посмотрим, надолго ли его хватит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.